

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Письмо св. Дмитрія Ростовскаго.

†

Честному отцу Θεологу о Господѣ радоватися.

Какъ тебе Богъ милуетъ; какъ домой доехалъ все ли здорово? Не потерялъ ли моего лѣтописа и читаешь ли его, и отцу Киріону (ему же низко кланяюся), даешь ли читати?

Послахъ въ лѣтопису малое приложенийце, прочти и положи на мѣстѣ подобающомъ и еще хотятъ быти нѣкая приложенія на нѣкихъ мѣстахъ. Да не очиннь долго у себе удержи, въ великій постъ (живи ли будемъ) присли, здравствуй *charissime*.

Всѣхъ благъ и спасенія чести твоей желаю. Дмитрій грѣшній.

Сообщ. **Θ. К. Опочининъ.**

Примѣчаніе. Письмо—на четвертушкѣ пожелтѣлой простой бумаги; оно тщательно оклеено атласомъ въ позднѣйшее время—для лучшаго сохраненія документа. На конвертѣ надпись руки **Θ. П. Опочинина**: «Своеручное письмо угодника Божія св. Дмитрія Ростовскаго и часть мощей его. Принадлежность двора его императорскаго величества пажа Константина Феодоровича Опочинина».

Дмитрій Туптало, св., митрополитъ Ростовскій, р. 1651 г., ум. 1709 г. Знаменитый составитель «Жизнеописаній Святыхъ» (Четвѣрехъ Миней)—славенъ добродѣтельною жизнью, искусствомъ проповѣдника и многими сочиненіями. Онъ основалъ семинарію въ Ростовѣ; имъ же, между прочими сочиненіями, написанъ: «Розыскъ или разсмотрѣніе о Брынской раскольничьей вѣрѣ».

Въ приведенномъ нами письмѣ—подъ именемъ «Лѣтописи»—святитель разумѣетъ составленную имъ, не задолго до кончины, «Библейскую Исторію».

Ред.

Указъ Петра I о строеніи въ Петербургѣ*).

Указъ всѣмъ жителямъ Санктъ-питеръбургскимъ.

Понеже здѣсь в Санктъ-питеръбурхе многія строятца не по указу, и не в указныхъ мѣстехъ, того ради повелѣваемъ симъ указомъ, дабы никто нигдѣ противъ указу отнюдь нестроился, а кому надобно строитца и тѣмъ являтца учиненному надъ строеньемъ оберъ-комисару князю Черкасскому и брать чертежи; а ежели кто станеть строитца не по указу и не противъ чертежа и тотъ лишень будетъ всего того, что построилъ, и сверхъ того взято будетъ штрафу за каждое жилье по десяти рублевъ в шпиталеть. Въ 14 день сентября 1715.

Петръ.

Сообщ. кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій.

Кладъ Александра Македонскаго и Дарія Персидскаго.

1703.

О приѣзжемъ венгренинѣ: іюня 20-го писалъ къ великому государю изъ Кіева генераль-маіоръ Андрей Гулицъ:

Іюня 25-го приѣхалъ въ Кіевъ венгринъ, города Караншебешъ, житель Михайло Ивановъ съ двумя сынами, съ Иваномъ и съ Моисеемъ, и въ распросѣ сказалъ, что ѣдетъ къ Москвѣ для нужныхъ дѣлъ тайнымъ обычаемъ, а для какихъ, того ему сказать невозможно, а скажетъ про то въ Москвѣ.

А на Москвѣ въ посольскомъ приказѣ тотъ приѣзжій иноземецъ въ распросѣ сказалъ: „родомъ онъ волошанинъ, Седмиградскія земли, родился въ городѣ Кавраншебешъ, что нынѣ турки владѣютъ, а приѣхалъ-де онъ къ Москвѣ для того же дѣла, для чего и напредь сего, тому нынѣ назадъ лѣтъ шесть приѣзжалъ и объявилъ на Москѣ; потому, что никому того дѣла не велѣно объявить и невозможно получить, кромѣ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и въ то время по его великаго государя указу, какъ онъ отпущень съ Москвы къ гетману и велѣно для того дѣла досмотрѣть, послать кого пристойно, и онъ, гетманъ, послалъ для досмотру того дѣла товарища его, а не его самого, и послалъ съ тѣмъ его товарищемъ такого небывалаго человѣка и тѣ люди межъ собою на дорогѣ ссорилися и бились и затѣмъ то дѣло въ то время совершенія своего не воспріяло; а какъ онъ отпущень отъ гетмана, и приѣхавъ въ домъ свой въ Дѣву по прежнему и почалъ промышляти о дѣлѣ своемъ по прежнему, чтобъ сыскать тотъ кладъ и ископалъ въ той горѣ, по откровенію

*) Объ исполненіи сего указа данъ былъ имянной — оберъ-комиссару кн. Черкасскому. См. въ «П. С. З.», т. V, № 2,932.

Божію, камень бѣлой, въ полторы сажени длиною, а шириною—сажень съ пять и на той лещади вырѣзаны слова, и тѣхъ словъ никто не могъ прочесть,—кромѣ одного старца сербянина, сыскаль онъ знакомца и онъ прочелъ, и сказалъ: что слова тѣ суть эллинскимъ языкомъ писанныя и тотъ старецъ прочитавъ, списавъ ихъ тѣ рѣчи всѣ, что на камнѣ написаны, сказалъ, что при семъ камнѣ въ сей горѣ лежатъ сокровища Александра царя и Дарія, и тотъ камень онъ, Михаилъ, разбилъ, а подпись списавъ отдалъ тому чернецу, кто прочелъ и то услыша тутошныя жители сказали седмиградскому генералу графу Работину, и онъ-де посылалъ его за карауломъ къ цесарю въ Вѣну, и въ томъ-де его мучили разными муками и забивали за ногти его желѣзные гвозди, и онъ-де ничего имъ не сказалъ и цесарь-де посылалъ для того кладу на ту гору искать нѣмцовъ и венгровъ, и были съ нимъ на той горѣ, гдѣ то сокровище, на самомъ мѣстѣ три человекъ цесарскіе, и какъ они пришли на то мѣсто и ихъ взялъ вѣтеръ и разнесло ихъ и лошадей ихъ, невѣдомо куды, и послѣ того, собрався отложили до третьяго дня придти опять для того же исканія, и онъ межъ тѣмъ временемъ изъ-за караулу ушелъ и пришелъ въ Турской городъ Караншебешъ и взялъ съ собою двухъ сыновъ, Ивана да Моисея, а домъ его въ Дѣвѣ разорили и разграбили нѣмцы; и приѣхалъ къ Москвѣ черезъ мулянскую землю, для того, что явился ему ангелъ, что тотъ кладъ кромѣ нынѣшняго московскаго великаго государя никому не дастся, и чтобъ онъ, великій государь, изволилъ послать свой государевъ указъ къ мулянскому нынѣшнему господарю, чтобъ онъ съ нимъ, Михаиломъ, послать своихъ людей, сколько къ тому дѣлу будетъ надобно, потому, что то мѣсто, хотя подъ владѣніемъ цесарскимъ, только близко горъ и рубежа Мулянскаго и для подлиннаго извѣренія съ Москвы своихъ людей человекъ двухъ или трехъ, и тотъ кладъ обрѣсти и вынять, а для подлиннаго увѣренія привезъ онъ съ собою двухъ сыновъ своихъ, и покажеть тотъ кладъ найдется, чтобы по та указалъ великій государь дѣтей его задержать на Москвѣ, а его для сыску того кладу отпустить, а которой старецъ съ покровенной доски того кладу подпись списалъ, и онъ общалъ ему съ клятвою съ спискомъ той подписи быть къ Москвѣ подъ видомъ будто бы милостыни и ту подать для подлиннаго увѣренія объявить въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ, и тогда всякое дѣло явно будетъ, а тотъ-де старецъ Сербской земли, города Поланки, имя ему Іоакимъ, собираетъ милостыню; хочетъ въ томъ городѣ вновь монастырь строити“.

Да тотъ же сербянинъ подалъ къ тому допросу въ дополнку

письмо, каково онъ написалъ о подлинномъ сысканіи того кладу, а въ немъ написано:

„Я объявляю князь Михайло, князь Ивановъ, сынъ Вольшанинъ вашему царскому величеству: въ прошлыхъ, государь, годахъ, жилъ въ венгерской землѣ, въ городѣ Дѣвѣ, а нынѣ я живу въ порубежномъ городѣ турецкомъ, который стоитъ между венгерскою землею и турецкою, имя тому городу Караваншебешъ, въ которомъ я родился; а есть мѣсто гора высокая, содѣланная царями Даріемъ и Трояномъ, въ которой выкладена храмина каменіемъ, въ подобіе палатъ, на венгерской сторонѣ, близъ турецкія и мултянскія земель. разстояніе отъ Дѣвы города три мили турецкія, а отъ Караваншебеша 5 миль; около той горы есть деревни венгерскія въ разныхъ сторонахъ, мили по 3 разстояніемъ, дворовъ въ нихъ по 40 и по 50-ти, въ которыхъ зимуютъ воинскіе цесарскіе люди; и деревни есть венгерская разстояніемъ отъ горы 1 миля, дворовъ будетъ съ пять; близъ той горы двѣ рѣчки малыя, бродомъ будетъ человѣку по колѣно, текутъ по камню и шумъ той воды издалека слышится. та гора между тѣми двумя рѣчками стоитъ; по правую сторону течетъ рѣчка Поноричъ, которая течетъ сквозь ту гору своимъ прохожденіемъ; другая рѣчка называется отъ красна камня, на ней же былъ городокъ Дарія царя, а можно стоячи человѣку на той горѣ и человѣку будучи, гдѣ былъ городокъ, говорити и рѣчь разумѣти, таково есть не далеко; нынѣ то мѣсто пусто и поросло лѣсомъ дубовыми деревьями; отъ той же горы къ турецкой землѣ былъ городокъ великій Трояна царя, называемый Гредище, разстояніемъ три мили. нынѣ разорено и токмо пашенная земля и пастбище, а прежде того, около той горы были малые и средніе городки жидовскіе, числомъ съ 40, и тѣ городки разорены изволеніемъ Божиимъ, и тѣ мѣста владѣніе венгерское и до нынѣ владѣютъ венгры, жители города Инидора, разстояніе отъ горы полъ-четверти мили, и въ древнее время, егда брашеся Александръ царь Македонскій съ цари Даріемъ и Трояномъ, и они, цари, положиша въ ту гору сокровище свое, бочки золотыхъ червонныхъ и слитки золотыя и оружія и конскіе наряды безчисленное множество и свои царскія короны и каменія драгого и колесницу свою оставиша и змія великодѣланнаго золотого, хоботомъ свіющагося, и во усѣхъ его учиненъ камень діамандъ, отъ котораго свѣтъ великій бываетъ, аки отъ огня, и болвана бога жидовска отъ злата содѣланнаго, и очи ему вставлены отъ камени діамандія, со многими приносящими ему дары золотыхъ, а гдѣ колесница поставлена, стоитъ воинъ златъ и держитъ на златой цѣпи льва златаго пса ловчіяго, и жидовскій богъ сидитъ за трапезою предъ нимъ и

поставлены раби златые и егда Александръ царь воинство царя Дарія и Трояна побѣди, тогда взя дщерь Дарія царя въ жену себѣ и потомъ повѣда ему Дарій и писаніе даде ему о положенномъ ихъ сокровищѣ. Мнѣ же явился ангелъ Божій во снѣ и водя мя, показуи мнѣ мѣсто и положенное сокровище и повелѣ мнѣ извѣстити, гдѣ есть православная христіанская вѣра, тоя благочестивыя державы царя; и послѣ того видѣнія ходилъ я и мѣсто нашель, и гдѣ ходятъ въ гору у вратъ камень поставилъ плоской, въ вышину 5 аршинъ, поперегъ — три, на немъ же написано эллино-греческимъ языкомъ, что сіе сокровище положено Александра царя, который всю вселенную пройде и многія государства покорилися ему, и то письмо прочте мнѣ сербскій іеромонахъ, и послѣ я то письмо стесаль, чтобъ никто не прочель и съ тѣмъ іеромонахомъ положена у насъ великая клятва, отнюдь бы не сказати никому и потому, что хаживаль я часто къ той горѣ, вмѣнилось помыслити о мнѣ венгерскимъ людѣмъ, будто кладъ знаю и сказали про меня цесарскому генералу и велѣли меня мучити, гвоздіе въ рудѣ мои вонзоша и два большіе мои зуба извергоша вонъ,—я же отнюдь не сказаль ему, памятуя явленіе святаго ангела и повелѣнное имъ объявити вашему величеству“.

А грамотѣ онъ не умѣеть и къ тому письму руки не приложилъ.

Примѣчаніе. Выписано изъ писемъ дяковъ посольскаго приказа къ боярину Федору Алексѣевичу Головину, во время отлучекъ его изъ Москвы съ Петромъ I,—хранятся въ москов. архивѣ минис. иностр. дѣлъ.

Сообщ. Г. В. Есяповъ.

Распоряженіе императрицы Елисаветы Петровны о портретѣ Петра I, пожалованномъ духовнику его Тимоѳею Надаржинскому.

1753 г.

Портретъ, которымъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій всемилостивѣйше пожаловаль бывшаго духовника Тимоѳея Васильева, сына Надаржинскаго, отъ онаго Надаржинскаго, по духовной, въ приданое отданъ былъ за дочерью бригадиру Лесевицкому и его наслѣдникамъ; а нынѣ оный содержится у отставнаго маіора Филиппа Надаржинскаго, а оный маіоръ жительство имѣеть ахтырскаго полку въ селѣ Тростинцѣ; о семъ же портретѣ полковникъ Константинъ Лесевицкій просилъ, дабы отъ онаго маіора взять былъ на ея императорское величество.

„Изъ Кабинета ея императорскаго величества господину маіору Надаржинскому.

„Ея императорское величество указала: портретъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго, осыпан-

ный каменьями, который отъ его величества пожалованъ былъ духовнику его величества и вашему дѣду, Тимоѳею Васильевичу Надаржинскому, и отъ него, по духовной, въ приданое отданъ за дочерью бригадиру Лесевичу и его наслѣдникамъ, а нынѣ имѣется у васъ, для привезенія котораго отправленъ при семъ нарочный кабинетъ-курьеръ, взявъ оный у васъ, привезть къ ея императорскому величеству. Того ради имѣете вы помянутый его величества портретъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ отъ его величества дѣду вашему пожалованъ и нынѣ у васъ находится, убравъ оный по надлежащему въ ящикъ, чтобъ въ дорогѣ попортиться не могъ, и, запечатавъ вашу печатью, для привозу сюда отдать помянутому кабинетъ-курьеру Языкову, о чемъ вышеписанный ея императорскаго величества указъ для надлежащаго исполненія чрезъ сіе вамъ объявляется.

„Вышеписанный портретъ ея императорское величество изволила требовать для посмотрѣнія, яко оной написанъ, и для сличенія его сходства съ великимъ императоромъ, ея родителемъ, и для того, что чрезъ посмотрѣніе не упомянется-ли чьей работы сей портретъ? И ежели ея императорское величество изволитъ взять къ себѣ, то вы за оный удовольствованы будете, а буде не изволитъ взять, то обратно вамъ отдастся“.

2-го марта 1753 г.

Примѣчаніе. Объ этомъ же предметѣ дана была инструкція кабинетъ-курьеру Языкову, а также указъ изъ кабинета, отъ 18-го марта 1753 г., въ Бѣлгородскую губернскую канцелярію. Портретъ былъ высланъ «исправно» и по осмотрѣ его государыней, майору Надаржинскому дано знать, «что онъ можетъ взять его обратно, приславъ для этого въ Кабинетъ «повѣренное лицо».

Сообщ. Жанъ-Жанъ.

Докладъ императрицѣ Екатеринѣ II отъ Сената о мѣстѣ для постановки монумента императору Петру Великому.

(По титулѣ). Отъ сената всеподданнѣйшій докладъ. Сенатъ и вся имперія, во изъявленіе вѣчной своей благодарности, и въ незабвенную наипозднѣйшимъ потомкамъ память нѣкотораго славнаго и знаменитаго для благополучія Россіи происшествія, принявъ намѣреніе соорудить монументъ, осмѣливается всеподданнѣйше просить ваше императорское величество: да соизволите всемилостивѣйше объявить ему высочайшее свое соизволеніе, на которомъ мѣстѣ угодно будетъ вашему императорскому величеству поставить предпринимаемый вашимъ величествомъ монументъ государю императору Петру Великому, дабы по неизвѣстности о всевысочайшей вашего императорскаго величества на то волѣ, не избрать подъ сіе сооруженіе, которымъ и сенатъ и весь

народъ должнымъ себя почитаетъ, того же самого мѣста, кое можетъ быть и для прославленія безсмертныхъ дѣлъ государя императора Петра Великаго ваше императорское величество назначить соизволите. Графъ Петръ Шереметевъ. Графъ М. Скавронскій. Н. Панинъ. Петръ Панинъ. Николай Муравьевъ. Князь Алексѣй Козловскій. Николай Чичеринъ. Адамъ Олсуфьевъ. Василій Адодуровъ. Оберъ-секретарь Иванъ Артелъевъ.

Примѣчаніе. Дѣло здѣсь идетъ о памятникѣ, поставленномъ императрицею Екатериною II на Петровской и Сенатской площади, въ Петербургѣ. работы Фальконета, съ надписью: «Петру Первому — Екатерина II».

Сообщ. Жанъ-Жакъ.

Sonnet pour être lu le jour de l'inauguration de la statue de Pierre le Grand.

Du haut de se rocher, je gronde Falconet
 Qui m'a ressuscité, dans mon ancien azile,
 Le temps passé n'est plus, j'y suis fort inutile.
 Je m'ennuye souvent, je l'avoue tout net.
 L'on m'offre une épigramme, ou un mauvais sonnet,
 Croira-t-on m'obliger, me chantant dans la ville
 Par de vers qu'a produit une verve puérole,
 Il faut les apporter, à monsieur du monét (?).
 Ils pensent bonnement, que tout cela m'amuse
 Bien loin de les louer, je méprise leur muse
 Et vous, grand sculpteur, croyez vous m'humilier.
 Revenant aujourd'hui, j'adore Catherine,
 J'applaudirai toujours sa conduite divine
 Me croyant trop heureux d'être son écolier.

Inscription pour mettre au bas de la statue de Pierre le Grand, érigée à St.-Petersbourg.

Catherine Seconde au comble de sa gloire
 Ses ennemis vaincus, le front ceint de laurier —
 (Six règnes écoulés) du Grand Pierre Premier,
 Fit dans ce monument revivre la mémoire:
 Quand sous ses douces loix on allait l'oublier.

Сообщ. Жанъ-Жакъ.

Портретъ Петра Великаго въ Полтавѣ.

Въ день 200-лѣтняго юбилея со дня рожденія великаго преобразователя Россіи, все, относящееся до него, получаетъ особый интересъ; поэтому и лишній портретъ Петра Великаго, совсѣмъ неизвѣстный, или очень мало извѣстный, приобрѣтаетъ особенную цѣну. О такомъ портретѣ мы намѣрены сообщить нѣсколько свѣдѣній читателямъ

„Русской Старины“. Портретъ этотъ принадлежитъ въ настоящее время полтавской военной гимназiи, носящей прозванiе Петровской, преобразованной изъ кадетскаго корпуса того же имени, даннаго ему въ честь Петра Великаго покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. Въ числѣ 18-ти портретовъ Петра, бывшихъ на „исторической выставкѣ портретовъ“ 1870 г., въ С.-Петербургѣ, въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, нашего портрета не находилось и ни одинъ изъ нихъ, сколько помнимъ, его не напоминаетъ.

Насколько извѣстно, имѣющiеся портреты Петра Великаго являются въ 4-хъ типахъ: 1) Кнеллера (1697), № 50-й на „Исторической выставкѣ“; 2) Амикони, № 121-й; 3) Натъе (Nattier), 1717 г., № 123-й, и 4) Ригò (Rigaud), 1717 г., № 125-й. Портретъ Кнеллера, англiйскаго художника, писанный въ Лондонѣ въ 1698 г. *) въ прекрасной гравюрѣ, приложенъ къ 1-му тому „Исторiи царствованiя Петра Великаго“ Устрялова. Портретъ Ригò знакомъ читателямъ „Русской Старины“ по отличной гравюрѣ Гретбача (Greatbeach), исполненной въ Лондонѣ и приложенной къ 1-й книжкѣ этого журнала за 1871 г.

Полтавскiй портретъ приписывается художнику Аржильеру (Argilliere), написавшему его съ натуры, въ Парижѣ, въ 1711 г. Портретъ этотъ купленъ покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ у княгини В. А. Репниной, за пять тысячъ рублей ассигнаціями, и подаренъ имъ въ 1840 г. петровскому-полтавскому кадетскому корпусу, въ первый же мѣсяцъ его существованiя (открытъ 6-го декабря 1840 г.). Объ этомъ высочайшемъ подаркѣ корпусъ былъ извѣщенъ полтавскимъ губернаторомъ. Просимую сумму, по предложенiю тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, полтавскiй губернаторъ вручилъ подполковницѣ Ю. И. Граве, живущей въ г. Полтавѣ, а портретъ былъ доставленъ губернатору мужемъ этой послѣдней, подполковникомъ Граве, изъ Одессы. Вотъ всѣ, какiя мы могли собрать, оффиціальныя свѣдѣнiя о портретѣ. Княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, рожденная графиня Разумовская, отъ которой приобрѣтенъ портретъ, была супругой князя Николая Григорьевича Репнина-Волконскаго (см. „Рос. Родос.“ книга кн. П. Долгорукова, ч. I, стр. 273—274), умершаго въ 1844 г. и бывшаго малороссiйскимъ генераль-губернаторомъ съ 1816 по 1834 г. Князь Репнинъ, внукъ знаменитаго павловскаго фельдмаршала, князя Н. В. Репнина, извѣстнаго полководца, дипломата и масона, сынъ его дочери, княгини Александры Ник. Волконской, принявшiй, по волѣ императора Александра I, фамилію своего знаменитаго дѣда, будучи малороссiйскимъ генераль-губернаторомъ, имѣлъ свое мѣстопробыванiе въ

*) По каталогу г. Петрова, въ Утрехтѣ, 1697 г. (Катал. Ист. вѣст. пор., стр. 19).

гор. Полтавѣ гдѣ жилъ (въ теперешнемъ губернаторскомъ домѣ) съ пышностію вельможи прошлаго вѣка, оставивъ по себѣ до сихъ поръ добрую память въ воспоминаніяхъ полтавскихъ старожиловъ. Это былъ тотъ самый князь Репнинъ, который въ 1813—1814 гг. управлялъ королевствомъ Саксонскимъ, въ званіи вице-короля, или генераль-губернатора. Его же, въ ранней юности, мы видимъ при своемъ знамени томъ дѣдѣ, въ Литвѣ, въ гор. Гроднѣ, въ блестящемъ обществѣ, собравшемся вокругъ послѣдняго польскаго короля, Станислава-Августа Понятовскаго, имѣвшаго тогда (1795—1797) пребываніе въ этомъ городѣ. Привычки молодости и послѣдующая его жизнь, частію обусловливаемая высокимъ служебнымъ положеніемъ, заставляли его жить выше тѣхъ средствъ, которыми онъ располагалъ; по крайней мѣрѣ, объ этомъ можно судить по необходимости продажи такой семейной драгоценности, какою несомнѣнно считался портретъ Петра Великаго, тѣмъ болѣе, что предварительно, какъ говорятъ, портретъ этотъ, уже запродаанный, предназначался для отправки въ Лондонъ, почему онъ и очутился въ Одессѣ, на рукахъ г. Граве, довѣреннаго лица княгини Варвары Алексѣевны. Такимъ образомъ, судя по слухамъ, портретъ Петра I былъ перекупленъ у княгини Репниной покойнымъ государемъ. Черезъ кого шла эта покупка, — мы не знаемъ; извѣстно только, что самъ князь Н. Г. Репнинъ-Волконскій жилъ въ это время за границей. Какъ достался Репнинымъ этотъ портретъ: приобрѣтенъ ли онъ фельдмаршаломъ Разумовскимъ, или княземъ Репнинымъ, послѣднимъ его владѣльцемъ, изъ дрезденской галереи? На эти вопросы могутъ отвѣчать только теперешніе потомки Репниныхъ, что, будемъ надѣяться, они и сдѣлаютъ. Какъ бы то ни было, но сначала фамилія Репниныхъ, а потомъ полтавскій кадетскій корпусъ и, въ послѣднее время, военная гимназія гордились тѣмъ, что они владѣютъ драгоценною рѣдкостію — портретомъ Петра Великаго, снятымъ съ натуры знаменитымъ французскимъ живописцемъ. Но, увы! оказывается, что эта гордость — самообольщеніе, вольное или невольное, и что подлинность портрета мнимая. Во-первыхъ, Петръ Великій былъ всего разъ въ Парижѣ и не въ 1711 году, какъ увѣряетъ оффиціальныи документъ, при которомъ былъ препровожденъ портретъ въ кадетскій корпусъ, а въ 1717 году, когда были сняты съ него портреты живописцами Натъе и Риго; въ 1711 же году, въ годъ прутскаго мира, Петръ, какъ извѣстно, былъ только въ Германіи, на карлсбадскихъ минеральныхъ водахъ, въ Дрезденѣ, Торгау, Торунѣ, Эльбингѣ, Кѣнигсбергѣ и Мемелѣ (Голиковъ, Дѣянія, Т. V, 1711 годъ); во-вторыхъ, Николай Ларжильеръ (Nicolas de Largillière), 1656—1746, ученикъ Лебрюна (Lebrun), членъ парижской академіи, исто-

рической и портретный живописецъ, хотя и могъ видѣть Петра Великаго въ Парижѣ въ 1717 году (если только 1711 годъ принять за невольную ошибку Репнинныхъ, попавшую потомъ и въ официальные документы), но, какъ извѣстно изъ исторіи Петра, портрета съ него не писалъ. Какъ очевидецъ, могъ онъ воспроизвести этотъ портретъ по выѣздѣ изъ Парижа великаго царя; но въ такомъ случаѣ такая замѣчательная работа должна была бы попасть въ каталогъ произведеній Ларжильера, чего однако же мы не нашли, по крайней мѣрѣ по доступнымъ намъ здѣсь въ Полтавѣ источникамъ; при томъ же, какъ очевидецъ, Ларжильеръ не могъ въ 1717 г. 45-ти-лѣтняго Петра представить такимъ молодымъ, какимъ онъ является на полтавскомъ портретѣ, гдѣ великому преобразователю никакъ нельзя дать болѣе 33—35 лѣтъ. Могъ, пожалуй, Ларжильеръ воспроизвести этотъ портретъ и ранѣе 1717 г. по какимъ-нибудь, никому неизвѣстнымъ, оригиналамъ, голландскимъ или нѣмецкимъ, и это воспроизведеніе послѣ 1717 г., когда онъ увидѣлъ Петра, могло потерять въ глазахъ его, какъ и въ глазахъ его современниковъ, всякую цѣну, а потому и ушло за предѣлы Франціи; но все это—однѣ догадки, которыя подтвердить или опровергнуть могутъ лишь лица, спеціально знакомыя съ исторіей живописи вообще и иконографіей Петра Великаго въ частности.

Какъ бы то ни было, портретъ Петра Великаго, принадлежащій Петровской-полтавской военной гимназіи, — прекрасная картина, работы несомнѣнно отличнаго мастера. Картина эта имѣетъ 2 аршина и 1 вершокъ высоты и 1 аршинъ $9\frac{1}{2}$ вершковъ ширины. Фигура Петра изображена нѣсколько ниже колѣнъ. Лицо свѣжее, молодое, румяное; глаза большіе черные; выраженіе лица—необыкновенно пріятное, улыбающееся, бодрое, но мягкое. Руки отличаются особенною нѣжностію, совсѣмъ не петровскія—мускулистыя и мозолистыя. Изображеніе лица и рукъ, дѣйствительно, напоминаетъ манеру Ларжильера, чрезвычайно отчетливо отдѣлявавшего эти вещи (Андреевъ, Живопись и живописцы, стр. 425). На картинѣ Петръ представленъ, кажется, стоящимъ на берегу моря, подлѣ прибрежнаго камня, о который онъ опирается небольшою зрительной трубой (или фельдмаршалскимъ жезломъ, — разобрать трудно); тутъ же на камнѣ лежитъ бокомъ его шлемъ съ перьями. Правая рука его подперта у бедра, гдѣ она поддерживаетъ набросанную на его плечи богатую мантию, подложенную соболями и крытую темнозеленымъ бархатомъ. Мантия застегнута пряжкой, оправленной драгоцѣнными каменьями, и нѣсколько спустилась на правую сторону. Царь одѣтъ въ стальной панцырь, украшенный позолоченными или золотыми насѣчками; изъ-подъ панцыря виднѣется короткая, выше колѣнъ одежда, вѣроятно, камзолъ;

какъ-будто вязанный. На шеѣ повязанъ бѣлый галстухъ; на головѣ надѣтъ короткій парикъ, если только не виднѣются натуральные, подрѣзанные въ кружокъ и нѣсколько вьющіеся волосы. Голубое, поддернутое облаками небо и, кажется, виднѣющееся вдали море, нѣсколько свинцоваго цвѣта, дополняютъ фонъ картины, какой-то каменистый, безъ всякой зелени. Портретъ былъ реставрированъ, можетъ быть и не разъ. Въ настоящее время онъ высматриваетъ картиной какъ бы новой.

Портретъ помѣщается въ одной изъ залъ полтавской военной гимназіи *).

М. О. Де-Пуле.

Полтава.

Преданіе о Сидоркиномъ курганѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Липецка начинается чрезвычайно длинный рядъ укрѣпленій, который намъ удалось прослѣдить отъ гор. Усмани (Тамб. губ.) до границы Харьковской губерніи. Отъ Усмани укрѣпленія эти (валъ) тянутся, безъ перерыва, верстъ на 65; близъ города валъ пересѣкаетъ р. Усмань, впадающую въ р. Воронежъ. затѣмъ идетъ по дачѣ Усманскаго лѣсничества почти до самой р. Воронежа у села Чертовицкаго. Тутъ уже не надобился насыпной валъ (валы строились лишь въ „перелазахъ“, т. е. въ тѣхъ ровныхъ мѣстахъ, гдѣ возможенъ былъ набѣгъ татарскихъ полчищъ), такъ какъ натуральною защитой являлась р. Воронежъ съ чрезвычайно крутымъ правымъ (русскимъ) берегомъ; на берегу расположены были острожки Воронежскій и Тавровскій; затѣмъ рядъ шелъ правымъ берегомъ Дона съ крѣпостцами въ с. Сторожевомъ (Коротоякскаго уѣзда), Урывѣ (Корот. уѣз.), Дивьихъ горахъ (монаст. Дивногорскій); тутъ укрѣпленія переходили на лѣвый берегъ р. Тихой-Сосны съ крѣпостцами въ с. Ольшани (здѣсь сохраняются крѣпостные камни съ клеймомъ), Алексѣевкѣ и Усердѣ (Бирючен. уѣзда); затѣмъ опять берегомъ Сосны съ крѣпостцой близъ с. Успенскаго (слѣды крѣпости видны и теперь) вплоть до р. Оскола и по Осколу, со слѣдами укрѣпленій въ с. Ютановкѣ, Волоконовкѣ, гор. Валуйкахъ и слоб. Уразовой; отъ крѣпостцы въ Усердѣ, вѣроятно для большей безопасности пологихъ береговъ р. Тихой-Сосны, насыпанъ былъ валъ (такой же, какой видѣнъ на Усманскомъ перелазѣ), идущій мимо гор. Бирюча, Филькина хутора и слоб. Ливенки или вѣрнѣе до крѣпостцы

*) Весьма точная копія съ этого портрета снята мѣстнымъ художникомъ г. Волковымъ и представлена на Московскую выставку. М. П.

въ дер. Полатовой; впереди валовъ тянется всегда рядъ кургановъ, служившихъ скорѣе для пикетной службы (сторожевая), чѣмъ специально для погребенія павшихъ; такіе ряды кургановъ существуютъ передъ Бирюченскимъ валомъ, у деревень: Ильинки, Хлѣвица, Гезиковой, Камышеватой, Злыдневой, Полатовки и Полатовой; передъ Усманскимъ же валомъ на перелазѣ у селъ и деревень: Завальской, трехъ Байгоръ, Голодовки, Луговатой, Абрамовки, Ждановой, Семеновки, Безгинки, Перовки, Покровской Хавы, Сухихъ Гаевъ, Витневки, Рождественской Хавы, Рыкани и Масловки. Одинъ изъ такихъ кургановъ, лежащій близъ села Перовки (Хавской волости, Воронежскаго уѣзда и губерніи), называется „Сидоркинымъ“. Никто изъ мѣстныхъ жителей не могъ мнѣ рассказать никакихъ подробностей объ „атаманѣ Сидоркѣ, пошедшемъ противъ царя Петра и здѣсь погребенномъ“. Толковали, что въ курганѣ искали клада, дорывались до чьихъ-то костей, но и кости не давались „выкладчику“ и уходили глубже и глубже въ землю. Наконецъ, совершенно случайно мы натолкнулись на ямчика (изъ г. Усмани) Василя Яковлева, который упомянулъ, проѣзжая мимо Сидоркина кургана, что слышалъ отъ отца своего „важную исторію“ объ атаманѣ, и по просьбѣ нашей рассказалъ слѣдующее:

„Въ стародавніе годы ходилъ-гулялъ въ этихъ мѣстахъ Сидорка, разбойничій ватаманъ. Страху нагонялъ онъ великаго на Русь вплоть до самой Рязани и Тулы. Ни купцу, ни боярину проѣзда отъ него не было, а стоялъ онъ со своей дружинишкой вольною на Хавѣ на рѣкѣ, гдѣ она луку дала. Нашего брата христьянина иначе не трогалъ онъ, а награждалъ еще всякаго казной, дарилъ хлѣбомъ и одежей, да съ почестью по домамъ распушалъ. Какъ приѣхалъ къ Вороньжу царь Петръ, такъ къ Сидоркѣ поклонъ послалъ: „Здравствуй, ватаманъ, на многія лѣта! спасибо тебѣ за твою правду, за то, что на Вороньжѣ ты у меня порядки завелъ“. А допречь того Сидорка и взаправду, словно какой губернаторъ: чуть кто изъ начальства почнетъ неправду творить, да на чужомъ горбу ѣздить—тотчасъ и шлетъ къ нему Сидорка-ватаманъ: „выходи, дескать, на такое-то вотъ мѣсто, а не придешь, такъ и силкомъ (насиленно) тебя приволочъ поставлю“. Вотъ сейчасъ придетъ начальство неправдивое—голову ему долой, да въ Питеръ и отпишетъ царю: „такъ и такъ, говорить, лишилъ я головы твоего начальника, потому отъ него народу тягота была.“—„Выходи ты ко мнѣ къ Вороньжу,—пишетъ царь Петръ;—я тебя, ватамана, награждать буду“. Вышелъ къ нему Сидорка.—„Чѣмъ мнѣ тебя, ватамана, награждать будетъ?“ спрашиваетъ царь.—„Нечѣмъ тебѣ награждать меня, говорить ватаманъ: казны у меня

больше твое, сила моя сильнѣе твоей: твоя силушка—неволюшка, моя силушка—охотушка. Довольно мнѣ отъ тебя награды—слово твое ласковое, я и тѣмъ ечастливъ, что не слышу я плача, да вся хрисянскаго“. Сказалъ ему царь Петръ спасибо и уѣхалъ подъ турку, да тамъ и помёръ. И пошелъ съ той поры всякій недоглядъ, да недозоръ, да неправда — одинъ Сидорка у себя на Хавѣ, да на Вороньжи правдиво живетъ, хрисянъ въ обиду не даетъ. И взбунтовались князья да бояре, да главные управители: „Не хотимъ мы Сидорку живымъ видѣть, онъ намъ упорство чинить, надо его за эту провинность живота лишить. Послали на Сидорку цѣлый полкъ солдатъ; и не въ охотку было имъ противъ Сидорки итти, да дѣлать нечего. Пошло тутъ побоище великое — всѣхъ-то солдатусекъ перебилъ Сидорка. Прислали бояре сто полковъ, и ихъ перебилъ Сидорка — никого не оставилъ вѣстей донести. Стосковались бояре, задумались: „Перебьетъ у насъ всѣхъ солдатусекъ Сидорка, и на сѣмена не оставитъ; за кѣмъ намъ тогда стоять будетъ?“ Собрали бояре тысячу полковъ съ конями, да съ пушками и пошли сами на Сидорку. Сидитъ Сидорка на бережку, на Хавѣ на рѣкѣ, и горькими слезами заливаётся. „Чую и смеретушку лихую-безъисходную; умереть мнѣ нонеча передъ вечеромъ. Придите ко мнѣ вы хрисяне-народъ воронецкій! помогите мнѣ въ моей бѣдѣ!“ Пришли къ нему тогда всѣ хрисяне съ-подъ Тулы, Рязани и Вороньжа и собралось у него рати — перечесть нельзя. Пришли и полки съ-подъ Питера; становились полки въ степи, а подлѣ луки на рѣкѣ стояла рать Сидоркина. Захотѣли полки перечесть рать Сидоркину — ей и смѣты нѣтъ. Бросили солдаты считать, стали считать анаралы, да и тѣ со счету сбилися — чихвирю не хватило. Вечеру стали снова считать анаралы, а солдаты стали для нихъ землю шапками таскать, и натащали гору цѣлую — на третьемъ милонтѣ бросили, остальныхъ не видать — далеко рать раскинулась. Вечеру сошлись рати и боярская и Сидоркина, и былъ тутъ бой страшнѣйшій. Ложатся полки, какъ снопы въ полѣ, а Сидоркина рать все стоймя стоитъ. Сидорка топорожъ что въ лѣсу орудуешь. Семерыхъ анараловъ отдѣлалъ, къ восьмому подсвакиваетъ; изловчился-приловчился, да какъ въ самое темя болтыхнетъ его, тотъ такъ и не капнулся. Поглядѣлъ Сидорка анаралу въ очи — анъ это братъ его родненькій. „Братецъ ты миленькій! какъ ты попалъ сюда?“ — „Видно доля моя такая горькая, говоритъ ему братъ: служить, такъ служить; стали меня на тебя посылать — и не хотѣлъ итти, да нельзя послушаться приказа царскаго, рѣшенья боярскаго“. — Какъ услышалъ эти слова Сидорка, обнялъ онъ брата своего крѣпко-на-крѣпко и возговорилъ своимъ ребятушкамъ таковы слова:

„Ой вы гои еси, ребяташки мои, народъ православный! Мнѣ не жить у васъ, не служить мнѣ вамъ—умирать пора, ужъ насталь мой часъ. Я помру тотчасъ—чуеть конецъ мое сердце богатырское. Ужъ копайте вы яму глубокую, зарывайте мой гробъ въ глубину земли; накладайте на верхъ тяжелъ-камушекъ; и до той поры лежать буду, покуда не пройдетъ на Руси беззаконіе да неправда, не станеть братъ руку поднимать на родного брата. Вы простите мнѣ, народъ православный, всѣ грѣхи мои невольные и вольные, мои помыслы и слова мои, погребайте меня во сыру-землю—ничего у меня на Руси не осталось“. Воздохнулъ онъ одинъ только разъ и выпустилъ духъ изъ себя. Разошлись по дворамъ всѣ хрисьяне—ратъ Сидоркина, а Сидорку на томъ самомъ мѣстѣ поны погребли, гдѣ солдаты гору насыпали. Хотѣли - было бояре да князья вынуть тѣло Сидоркино, сжечь, да разметать по вѣтру; принимались они ту гору рыть, да не достали; разъ-былъ ужъ совсѣмъ дорылись, да ушло оно въ землю, въ такую глубину, что и счесть нельзя. И до сей поры двѣ ямы на Сидоркиномъ курганѣ видны—изъ Питера приѣзжали, хотѣли тѣло Сидоркино выкопать“.

Пересказъ этотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, только приписанъ Сидоркѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ относится вѣроятно къ Стенькѣ Разину; про Разина тоже полагають, что онъ снова явится на Руси, когда неправда и беззаконіе уничтожатся въ его родинѣ, когда „ворону пищи не будетъ“; теперь же Разинъ въ Жигулинскихъ горахъ спитъ и, просыпаясь, все спрашиваетъ у ворона: есть-ли ему пища на Руси; но пища еще есть и Разинъ снова впадаетъ въ сонъ богатырскій. Интересна причина смерти Сидорки: онъ умираеть тогда лишь, когда братъ поднимаетъ на него руку; братъ этотъ разыгрываетъ здѣсь роль извѣстныхъ 2-хъ плачущихъ надъ тѣломъ Ставра богатырей, послушавшихся приказа Краснаго Солнышка; онъ умираеть не отъ силы боярской, а отъ горя—сила не сломитъ Сидорокъ.

Владиміръ Майновъ.

Челобитная о характерѣ.

1721 г.

Всемиловѣйшій царь и государь! Служу я всевижайшій при дворѣ вашего величества, у огороднаго дѣлу, съ 1710 году, со всякимъ прилежаніемъ; а характеру *) и трактamentу никакого не имѣю. И нынѣ всемиловѣйшимъ вашего величества указомъ опредѣляются

*) То-есть, званія, положенія.

какъ гражданскіе, такъ и военные и придворные чины вновь, и для того сочиняется регламентъ.

Того ради, всемилостивѣйшій государь, прошу ваше величество дабы я, всеніяжайшій вашъ рабъ, по высокому вашего величества милосердію, удостоенъ былъ характеромъ, также и жалованьемъ вашего величества, чѣмъ бы я могъ съ домашними своими, по высокой вашего величества милости, пропитаніе имѣть. Вашего величества нижайшій рабъ Борисъ Нероновъ.

1721 г. 8-го сентября.

Опечатки: На стр. 803, строка 15 снизу, напечатано: «Вильгельмъ Монсъ», читай: «Вилимъ Монсъ».

На стр. 970, строка 5 сверху, напеч.: «П. Я. Ефремовъ», читай: «П. А. Ефремовъ».